

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.282.2

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-259-272>

Шифр научной специальности 5.9.5



Основа *кундюб-* в русских говорах: семантика и версии этимологии

Елена Валентиновна Кузнецова  

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

40005, Российская Федерация, г. Волгоград, пр. Ленина, 27

 kev7-78@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. В донских говорах Волгоградской области зафиксирована лексема *кундюбенький* со значением 'некрасивый (о человеке)'. Внутренняя форма слова затемнена для современного носителя языка, что определяет цель исследования: проследить формирование и развитие семантики основы *кундюб-* (основой *кундюб-* мы для удобства обозначили все встретившиеся её фонетические варианты: *кундюб-*, *кундуб-*, *кундюм-*, *кундум-*) в русских говорах и в литературном языке, выявить этимологию слов этой основы. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Анализ лексикографических источников различных направлений (диалектные словари, словари современных тюркских и монгольских языков, этимологические словари) позволил выявить диалектные и общерусские лексемы с основой *кундюб-*, существенно различающиеся по семантике и предположительно восходящие к одной или двум родственным древним основам. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Рассмотрено варьирование семантики лексем с основой *кундюб-* в русском языке (преимущественно в говорах южного наречия), установлены связи анализируемых единиц в тюркских и монгольских современных языках, поднимается вопрос о составе лексем в рамках древней основы с учётом структуры и семантики единиц. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Даны версии этимологии слов основы *кундюб-* с опорой на лексикографические источники, предложены варианты формирования и развития семантики основы в диахронии, обозначены проблемные и спорные моменты рассматриваемого вопроса и намечены дальнейшие перспективы исследования.

Ключевые слова: диалектная лексика, диалектизм, ностратическая основа, праязык, семантика, семантическое варьирование, этимология

Финансирование. Работа выполнена в рамках внутривузовского научного гранта в области гуманитарных, общественных и естественных наук в 2025 г. «Разработка и внедрение методики совместных сетевых лингвогеографических исследований на базе электронного «Лексического атласа Волгоградской области».

Вклад автора: Е.В. Кузнецова – постановка проблемы исследования, сбор и обработка материала, формулировка выводов и результатов исследования, написание черновика рукописи, редактирование рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кузнецова Е.В. Основа *кундюб-* в русских говорах: семантика и версии этимологии // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 259-272. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-259-272>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-259-272>

OECD 6.02; ASJC 1203



Kundyub- basis in Russian dialects: semantics and versions of etymology

Elena V. Kuznetsova  

Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 Lenin Ave., Volgograd, 40005, Russian Federation

 kev7-78@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. In the Don dialects of Volgograd Oblast, the lexeme *kundyubennyi* with the meaning 'ugly (about a person)' is recorded. The internal form of the word is obscured for a modern native speaker, which determines the purpose of this study: to trace the formation and development of the semantics of the base *kundyub-* (for convenience we denoted by the base *kundyub-* all its phonetic variants: *kundyub-*, *kundub-*, *kundum-*, *kundum-*) in Russian dialects and in the literary language, to reveal the etymology of words of this base. **MATERIALS AND METHODS.** The analysis of lexicographic sources of different directions (dialect dictionaries, dictionaries of modern Turkic and Mongolian languages, etymological dictionaries) allowed us to identify dialectal and all-Russian lexemes with the *kundyub-* base, which differ significantly in semantics and presumably go back to one or two related ancient bases. **RESULTS AND DISCUSSION.** The variation of the semantics of lexemes with the *kundyub-* base in Russian (mainly in the southern dialects) is considered, the links of the analyzed units in Turkic and Mongolian modern languages are established, the question of the composition of lexemes within the ancient base is raised, taking into account the structure and semantics of the units. **CONCLUSION.** The versions of the etymology of the words of the *kundyub-* base with reference to lexicographic sources are given, variants of the formation and development of the semantics of the basis in diachrony are proposed, problematic and controversial points of the issue under consideration are outlined and further prospects of the study are outlined.

Keywords: dialectal lexicon, dialectism, nostratic basis, protolanguage, semantics, semantic variation, etymology.

Author's Contribution: E.V. Kuznetsova – research problem statement, data collection and curation, final conclusions formulating, writing – original draft preparation, manuscript editing.

Conflict of Interests. The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation: Kuznetsova, E.V. Kundyub- basis in Russian dialects: semantics and versions of etymology. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(2):259-272. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-259-272>

ВВЕДЕНИЕ

Отправной точкой этого исследования стало прилагательное *кундюбенький* (основой кундюб- мы для удобства обозначили все встретившиеся её фонетические варианты: *кундюб-*, *кундуб-*, *кундюм-*, *кундум-*), зафиксированное на карте № 2005 «Некрасивый, невзрачный (о человеке)» электронного «Лексического атласа Волгоградской области», содержащего диалектный материал, собранный по программе «Лексического атласа русских народных говоров»¹. Значение ‘некрасивый (о человеке)’ в диалектах номинируется лексемами, гораздо более детально, чем в литературном языке. Эти слова могут не только описывать внешний вид человека, но и затрагивать его социальный статус и функциональные способности тела, тем самым выражая отношение народа к той или иной черте или грани некрасивости. Поскольку внутренняя форма прилагательного *кундюбенький* затемнена для современного носителя русского языка, у нас возник закономерный вопрос о причинах попадания этого слова в легенду карты.

При первом взгляде на слово обращает на себя внимание уменьшительно-ласкательный суффикс -еньк- в составе лексемы. Ранее мы писали о прилагательных с этим суффиксом (*поганенький*, *дурненький*, *плюгавенький*) зафиксированных на карте № 2005 «Лексического атласа Волгоградской области» [1]. Уменьшительно-ласкательный суффикс здесь смягчает отрицательную оценку качества внешности человека, делающего его некрасивым в представлении окружающих. Наличие суффикса -еньк- указывает на возможное существование пары этого прилагательного без суффикса (ср.: *поганенький* – *поганий*, *дурненький* – *дурной*, *плюгавенький* – *плюгавый*). В материалах Волгоградской области лексема *кундюбый* не зафиксирована, однако мы её находим в материалах диалектных словарей разных регионов.

¹ Лексический атлас Волгоградской области. URL: <http://dialekt.vspu.ru/?q=node/2> (дата обращения: 08.01.2025).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В рамках исследования мы провели анализ лексикографических источников различных направлений. Во-первых, лексемы, предположительно имеющие рассматриваемую основу, выбирались из всех доступных диалектных словарей; во-вторых, привлекались современные словари тюркских и монгольских языков, в-третьих, этимологические словари. В результате выборки были выявлены следующие лексемы, которые мы условно разделили на несколько групп.

1. *Кундюбый*, *кундюбный*, *кундюбенький*, *кундюбух* ‘искривлённый, деформированный (об овощах или человеке)’.
2. *Кундюбенький* ‘маленький, курносый’.
3. *Кундюбочка* ‘ласковое шутливое обращение к женщине’.
4. *Кундюбы* ‘лакомства, изысканная еда, разносолы’.
5. *Кундюбы* ‘шуточные пустые разговоры’.
6. *Кундюбы* (*кундюбки*), *кундюмы* (*кундумы*, *кундумцы*) ‘блюдо из теста’ (общерусские), *кундак*, *кундяк* ‘пирог’, *кундьиш* ‘маленький пирожок, булочка’ (диалектные).
7. *Кундюба*, *кундюбиться* ‘медлительный человек, медленно что-либо делать’.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В первую группу вошли ближайшие по значению и форме лексемы с основой *кундюб-*, связанные с внешним видом человека (и предмета), зафиксированные в следующих источниках.

«Донской словарь» А.В. Миртова фиксирует слово *кундюбый* со значениями ‘кривой, закорюченный. Относится большею частью к огурцам’ (*Он у нас такой танцура, а сам кундюбенький*); и ‘изуродованный от природы’². Как видим, несмотря на отсыл к овощам, А.В. Миртов приводит речение, связанное с внешностью человека, при этом

² Миртов А.В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков // Труды Северокавказской ассоциации научно-исследовательских институтов. Ростов-на-Дону, 1929. № 58. С. 160.

употребляя в нём форму прилагательного с уменьшительно-ласкательным суффиксом, а в заголовке словарной статьи – без суффикса. Основываясь на этих значениях, понимаем, что *кундюбенький* человек некрасив из-за скрюченного, изуродованного тела. В основе характеристики человека лежит метафорический перенос, сравнение со скрюченным овощем.

«Словарь русских народных говоров» (СРНГ), ссылаясь на словарь А.В. Миртова, даёт лексемы *кундюбенький* ‘кривенький’ (Нижне-Дон., *Ону нас такой танцура, а сам кундюбенький*. Дон.) и *кундюбый* ‘кривой, скрюченный’ (Дон. [с примеч. «относится большею частью к огурцам»] Нижне-Дон.), ‘изуродованный от природы’ (Дон., Миртов, 1929)³.

«Словарь русских донских говоров» (СРДГ) содержит прилагательные *кундюбный* ‘кривой, закорюченный’ и *кундюбый* ‘неудачный, мелкий (об овощах)’ (*Кундюбыи выросли пацсолники. Кундюбава многа луку*) и перен. ‘невзрачный (о человеке)’ (*Он кундюбый паринь. Ни то, што мой атец. Тот красивый*)⁴.

«Большой толковый словарь донского казачества» (БТСДК), изданный уже в XXI веке, наследующий и расширяющий материал предыдущего словаря, также отражающий донские говоры Волгоградской и Ростовской областей, снова даёт лексему *кундюбый* ‘кривой, мелкий (об овощах)’ (*Кундюбыи выросли пацсолники*), перен. ‘невзрачный (о человеке)’ (*Он кундюбыи паринь. Ни то што мои атец. Тот красивый*). Кроме того, этот словарь указывает на функционирование слова *кундюбенький* со значением ‘курносый’ (*Он у нас кундюбинький, у вас гаварять – курносый*)⁵.

Изданный в 1971 г. «Донской казачий словарь» А.К. Ленинова также содержит

³ Словарь русских народных говоров / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз., Словарный сектор. Москва: Наука, 1980. Вып. 16. С. 91-92.

⁴ Словарь русских донских говоров. Т. 2. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1976. С. 99-100.

⁵ Большой толковый словарь донского казачества: 18000 слов и устойчив. словосочетаний / Редкол.: В.И. Дегтярев и др. Москва: Русские словари: Астрель: АСТ, 2003. С. 251.

прилагательное *кундюбенький* со значением ‘маленький, невзрачный, неприметный’⁶.

«Толковый казачий словарь» В.Н. Ремчукова, содержащий материалы говоров казачков верхнего Дона, даёт оба указанных выше варианта значения слова *кундюбенький*: ‘маленький, курносый’, ‘мелкий, кривобокий (о плодах)’ [2, с. 72].

Важно заметить, что и на территории Волгоградской области прилагательное *кундюбенький* зафиксировано в Новониколаевском районе, который располагается как раз в западной части региона, на территории бытования донских говоров (бывшая территория Области Войска Донского до 1918 г.). Исследователи современных донских говоров также отмечают функционирование этих прилагательных в речи диалектоносителей [3, с. 99; 4, с. 462].

Источники, отражающие диалекты Кубани, также фиксируют значения, связанные с особенностями овощей и с внешностью человека.

Словник В.И. Степанченко «Говорим, гутарим, балакаем и применяем!» приводит лексему *кундюбенький* со значением ‘маленький, невзрачный’ [5, с. 112]. Интересное образование с суффиксом -ух- (как в *пастух*, *катух* и др.) от рассматриваемой основы даёт П.И. Ткаченко в авторском словаре «Кубанский говор»: *кундюбух* ‘толстый, скрюченный огурец’ [6, с. 154].

Анализируя семантические преобразования основы *кундюб-*, предполагаем, что первичными в этой группе являются значения ‘повреждённый, кривой, изогнутый, деформированный’ (об овощах и о человеке), далее развиваются оттенки ‘неудачный, мелкий, кривобокий, маленький’ (об овощах и о человеке) и далее – ‘курносый (с маленьким носом)’.

Именно сема ‘маленький’ по одной из наших версий является основой семантического переноса и доминирует в значении слова *кундюбочка*, называющего женщину и/или являющегося ласковым и ироничным обращением к женщине. Актуализируется

⁶ Ленинов А.К. Донской казачий словарь-лексикон: исторические исследования. Мюнхен: Издание автора, 1971. С. 86.

эта сема также при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса *-очк-* в составе лексем. Поскольку это ироничное и ласковое обращение, здесь, конечно же, не актуальны семы 'кривой' или 'неудачный'. Это существительное также, как и предыдущие, фиксируется в донских говорах Ростовской и Волгоградской областей и на Кубани. Приведём данные словарей.

Донские говоры. Словарь А.В. Миртова: *кундюбочка* – см.: *кундюбий*. Ласк. слово. *Дажидайся миня ты, кундюбачка мая, я к тебе приеду, я к тебе приеду*⁷.

СРНГ (со ссылкой на Миртова): *кундюбочка* – 'милочка'⁸.

БТСДК (со ссылкой на Миртова): *кундюбочка* – ирон. – ласк. обращение⁹.

А.К. Ленивов актуализирует сему 'маленький': *кундюбочка* 'маленькая женщина'¹⁰.

«Словарь кубанских говоров» фиксирует существительное *кундюбочка* как 'ласковое название девочки, девушки, женщины' (*Дамоя ж ты кундюбочка, иди ко мне*)¹¹.

Следовательно, обращение *моя кундюбочка* – это значит «моя маленькая».

Далее рассмотрим значения основы *кундюб-*, связанные с едой, угощениями и разговорами.

Словарь А.В. Миртова: *кундюбы* 'шуточные разговоры' (*Что ты там кундюбы разводишь*)¹².

СРНГ: *кундюбы*, 1. 'лакомства, сласти, кушанья' Дон. Тул. (*Какие тут особые такие кундюбы?*), 2. 'шутливые разговоры, шутки' (со ссылкой на Миртова)¹³.

СРДГ: *кундюбы* (со ссылкой на Миртова) 'шуточные разговоры'¹⁴.

⁷ Миртов А.В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. С. 160.

⁸ Словарь русских народных говоров. С. 91-92.

⁹ Большой толковый словарь донского казачества. С. 251.

¹⁰ Ленивов А.К. Донской казачий словарь-лексикон: исторические исследования. С. 86.

¹¹ Словарь кубанских говоров / В.М. Пелих, В.И. Андрищенко, Р.Я. Иванова, Т.Г. Иванова; отв. ред. В.М. Пелих. Армавир: РИЦ АГПУ, 2009. С. 120.

¹² Миртов А.В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. С. 160.

¹³ Словарь русских народных говоров. С. 91-92.

¹⁴ Словарь русских донских говоров. С. 99-100.

БТСДК: *кундюбы* 1. 'разносолы' (*Ня буду кундюбау вам гатовить*) 2. (со ссылкой на Миртова) 'шуточные разговоры'¹⁵.

«Словарь донских говоров Волгоградской области» (СДГВО) (включает материал донских говоров Волгоградской области): *кундюб* 'праздничная еда'; *кундюбы* 'шуточные или пустые разговоры' [7, с. 284].

География значения, связанного с едой, как видим по данным словарей, шире территории донского диалекта, но также остаётся в рамках южного наречия. Это подтверждают и «Материалы к словарю тульских говоров», где также зафиксирована лексема *кундюбы* со значением 'лакомства, сласти // изысканные кушанья' (*Никаких кундюбов в нашей семье не ели: всё было простое, но сытное*) [8, с. 162].

Мы считаем, что значение 'шуточные пустые разговоры' образовалось от значения 'разносолы, лакомства' путём метонимического переноса. Праздничное застолье всегда сопровождается разговорами и шутками. Следовательно, ласковое обращение *кундюбочка* можно связать и со значением 'сладости, лакомства', и тогда обращение к женщине *моя кундюбочка* будет обозначать «моя сладкая, лакомая».

Далее возникает закономерный вопрос: *кундюбы* – что это за блюдо? Почему этим словом называют не повседневную пищу, а праздничную и изысканную. Современные (в широком смысле) толковые словари русского литературного языка и словарь В.И. Даля не содержат информации об этом слове.

В «Кулинарном словаре» В.В. Похлебкина видим названия *кундюмы* (*кундумы*, *кундюбки*)¹⁶. В источнике указано: «*Кундюмы* (*кундумы*, *кундюбки*) – вид пельменей, но наполненных не мясом, а грибами и отличающихся технологией изготовления. Кундюмы не отваривают после лепки, а обжаривают до образования лёгкой корочки, а за-

¹⁵ Большой толковый словарь донского казачества. С. 251.

¹⁶ Перед нами в названии блюда т. н. «механическое» чередование губных звуков [б]/[м], представленное во многих языках и диалектах, разных семей и групп, в том числе и русском (*бекать-мекать*, *блин-мли* и т. д.).

тем, сложив в глиняный горшок и залив грибным густым отваром и сметаной, тушат в закрытом виде в печи или в духовке 20–25 минут. Бывают кундюмы с яичной или растительной начинкой (щавель, рубленые крутые яйца, рис). Могут после жарения вместо тушения просто отвариваться в растительных и грибных бульонах». Автор говорит о появлении этого блюда в монашеской трапезе в XVI–XVII веков [9].

Историк русской кухни Павел Сюткин выражает сомнения как по поводу времени появления *кундюмов* (говорит о том, что они появились на Руси гораздо раньше), так и по поводу церковной роли в этом процессе. Конечно, «в какой-то момент это блюдо могло показаться очень удобным для монашеского рациона. Только к возникновению этого кушанья данное «открытие» отношения не имело». Со слов исследователя, поминания в письменных источниках можно отнести к концу XVI века. Слово *кундумы* (*кундумцы*) можно встретить ещё в «Домострое» (1550-е гг.), где «*гостя употчивают без убытка, а которой ествы похочет постной и то делает <...> и кундумцы и варенои, и соковые ествы пироги з блинцы <...> и с чим Бог послал*». Это же название встречается в царском указе Федора Иоанновича о трапезе в Тихвинской лавре (1590 г): «*во вторник вторыи недели по Пасхе корм за упокой по всех православных христианех <...> кундюмы с яйцы во ухи...*». «Словарь русского языка XI–XVII вв.», опираясь на текст указа Федора Иоанновича, даёт формы *кундюмы*, *кундумы*, *кундумцы* со значением «название мучного кушанья, корм за упокой»¹⁷.

Ссылаясь на историка И.Е. Забелина, Павел Сюткин говорит о том, что и блюдо, и слово пришли к нам «совсем уж в незапамятные времена». Подобные блюда могли прийти к нам с Востока, что «обнаруживается в именах таких кушаний, как *котлома*, *юрма*, *тавраччук*, *кундумы*, *сычуг* и т. п.». Появились они, по мнению Забелина, в русском поваренном искусстве в очень древнее время раньше татар и половцев, чуть не от

скифов и сарматов. Следует отметить, что расцвет скифского царства в Приднепровье большинством специалистов относится к IV веку до н. э. Существовало оно до второй половины III века до н. э., значительно сократившись под натиском сарматов, пришедших с Дона, а затем было уничтожено готами. То есть И.Е. Забелин предполагает наличие культурного обмена славянских племён с Причерноморьем за 400 лет до н. э. [10]¹⁸. В части, описывающей царский стол, И.Е. Забелин в книге «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях» не раз упоминает среди списка блюд, подаваемых царям, «ставец кундумов» [10].

Судя по всему, это блюдо не было связано исключительно с обрядом поминовения, было традиционным, подавалось к царскому столу до времён Екатерины II, разнообразным благодаря разным начинкам, замысловатым в приготовлении. Всё это могло сформировать отношение к нему как к праздничному угощению. И далее значение развивалось по пути расширения с сохранением сем «изысканное блюдо», «лакомство»: от наименования конкретного блюда – к наименованию праздничного блюда, изысканной еды, сложных в приготовлении блюд. Далее, как мы отметили выше, значение развивалось к наименованию шуточных, праздных разговоров.

Говоря о кулинарной семантике рассматриваемой основы *кундюб-*, нельзя не отметить представленные в СРНГ, близкие по значению, но не точно совпадающие по форме лексемы среднерусских и северных говоров *кундак*, *кундяк* «пирог» (Влад.), *кундыш* «маленький пирожок, булочка» (Арх., Волог.)¹⁹.

Помимо указанных выше значений основы *кундюб-* в южном наречии на территории Курской области зафиксированы существительное *кундюба* «неторопливый, медлительный человек» (*Ни таропиць кундюбъ, аждидай иё. Час праждалъ кундюбу, дак явилси*

¹⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. Москва: Наука, 1981. С. 121.

¹⁸ Сюткин П. Пельмени с севера и юга // LiveJournal. 29.11.2023. URL: https://p-syutkin.livejournal.com/49019.html#_ftn4 (дата обращения: 08.01.2025).

¹⁹ Словарь русских народных говоров. С. 91–92.

нъвисиле) и глагол *кундьюбиться* ‘мешкать, медлить’ (*Ни спишьить, кундьюбиць*)²⁰. Можно с большим сомнением предположить разные варианты появления этой семантики основы: медлительный, потому что искалеченный, с физическими изъянами (если значение развивалось от прилагательного *кундьюбий* ‘кривой, скрюченный’) или медлительный, потому что действие требует большого старания и затрат времени, как приготовление изысканного блюда (если значение развивалось от существительного *кундьюбы* ‘разносолы’).

Также с большим сомнением можно отнести как близкое к указанным зафиксированное в говорах Кубани существительное *кундя* ‘неаккуратный человек, неряха’ (*Ну что ты за кундя – поубирай везде!*), ‘ленивый человек’²¹. Скорее всего, последнее родственно группе слов, восходящих к зафиксированному в СРНГ бранному слову *кунда́* (Гребен. Терск., 1902) и его экспрессивным производным *кундюрить* ‘сильно расти’ (Челяб.)²², *кундюк* ‘дурак’ – в Вологодской области,²³ *подкундюра* ‘подхалим, доносчик’ и *подкундюровать* ‘подхалимничать, заискивать’, зафиксированных в Сибири и Забайкалье²⁴ [11, с. 298].

Итак, перед нами определённое количество слов (см. выделенные выше группы), предположительно восходящих к одной или родственным основам, функционирующих преимущественно в территориальных диалектах (в южном наречии) и существенно различающиеся по значениям. Ранее мы рассматривали возможности семантического варьирования в собственно диалектном словообразовательном гнезде [12].

Историк Забелин, как мы упомянули выше, предположил «восточное» происхождение слова *кундумы*. Действительно, внеш-

няя форма исследуемых лексем говорит об их тюркском происхождении, логичным является в этом смысле их бытование в южном наречии, которое характеризуется большим количеством тюркизмов по сравнению с другими говорами.

Наиболее близкое по форме и значению слово *кунду* есть в якутском языке. Оно имеет значения: 1) дорогой, драгоценный || драгоценность; 2) дорогой, милый, любимый; 3) редкостный || редкость; 4) изысканное угощение, изысканный приём. Нас интересует последнее значение. Якут. *кундү-мааны* ‘обильное угощение, роскошный приём’, *кундүлээ* – ‘угощать, потчевать’. Кроме того, как и во многих тюркских языках, в якутском слово *кун* имеет значения ‘солнце’, ‘день’, ‘время’, ‘люди’, ‘мир’; *кундээр* ‘ярко сиять, сверкать’; *кундүл* ‘светлый’ [13, с. 197].

В алтайском языке видим следующее: *күн* 1) солнце; 2) день; 3) погода; *күндү* 1) солнечный; 2) угощение, уважение, почесть, почитание, *күндү-күрее* большое застолье. *Күндүле* ‘угощать, почитать, чествовать, чтить, заботливо относиться’; *күндүк* ‘дневной, подённый, повседневный, обычный’²⁵.

Бликие по форме и семантике единицы есть не только в тюркской, но и монгольской группе алтайской семьи. Важно заметить, что в этих языках разграничиваются омонимы, например, в бурятском языке *хүндэ* I ‘тяжёлый’ и *хүндэ* II 1) честь, достоинство, почёт, уважение; 2) угощение²⁶.

В калмыцком языке: *күнд* I [кунде] 1) тяжёлый; грузный, увесистый, имеющий большой вес; 2) тяжёлый, трудный, требующий большого труда; обременительный; 3) *перен.* тяжёлый, серьёзный, опасный; 4) *перен.* тяжёлый, безрадостный, печальный; 5) *перен.* тяжёлый, тяжкий, суровый; 6) *перен.* флегматичный; медлительный (о чело-

²⁰ Словарь курских говоров. Вып. 5: Каба – Кычка / сост. Л.И. Ларина. Курск: Курск. гос. ун-т, 2014. С. 123.

²¹ Словарь кубанских говоров. С. 120.

²² Словарь русских народных говоров. С. 91-92.

²³ Словарь диалектных слов Усть-Кубинского района Вологодской области / сост. З.А. Морозкова. Устье, 2017. С. 26.

²⁴ Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. Москва: Наука, 1980. С. 307.

²⁵ Балакина О.Н., Дедеева В.С. Алтайско-русский словарь. 1-е изд. Горно-Алтайск: РОО «Лепта», 2015. С. 82.

²⁶ Бурят-монгольско-русский словарь: ок. 25000 слов. С приложением краткого грамматического справочника по бурят-монгольскому языку / сост.: К.М. Черемисов; под ред. Ц.Б. Цыдендамбаева. Москва: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1951. С. 611.

веке). *Күнд* II [кунде] – ‘честь, достоинство, почёт, уважение’²⁷ [14, с. 325]. Здесь мы видим, что курские лексемы *кундүба* ‘неторопливый, медлительный человек’ и *кундүбится* ‘мешкать, медлить’ имеют семантический эквивалент в калмыцком языке, могут восходить к *күнд* I *перен.* ‘флегматичный, медлительный (о человеке)’. Также возможно, что значение ‘неторопливый, медлительный человек’ вошло в русский язык параллельно, без посредства значений ‘кривой, скрюченный’ и ‘изысканное угощение’.

Обращает на себя внимание тот факт, что территории распространения якутского, бурятского, алтайского языков значительно удалены от территории русского южного наречия, а именно говоров Дона и Кубани. В.И. Супрун и Е.В. Брыкина в статье «Языковая ситуация в Волгоградской области» говорят о том, что с междуречьем Волги и Дона связано своей судьбой значительное число народов, в той или иной степени повлиявших на ход мировой истории. Древние индоевропейцы, насыпавшие здесь свои курганы, многочисленные кочевники, говорившие на формирующихся языках алтайской языковой семьи, спорадически появлявшиеся представители уральской языковой общности, забредавшие сюда носители афразийских и сино-кавказских языков – чуть ли не половина доисторического мира в той или иной степени коснулась в своём становлении и развитии Нижней Волги и Среднего Дона [15, с. 154].

Поскольку мы находим перечисленные выше слова и в тюркских, и в монгольских современных языках, они более ли менее структурно близки к рассматриваемой нами основе и семантически пересекаются с ней и друг с другом в значениях ‘почёт, уважение, угощение’, то можем предположить, что они сохранились там с древних времён, с периода общеалтайского языкового единства, и часть этих лексем могла быть перенята индоевропейцами вместе с элементами быта. Или же слова этой основы были переняты жителями

южных территорий в более поздний период (но не позднее XVI века) в процессе языковых контактов.

Первую версию можно частично проверить, обратившись к этимологическим словарям тюркских и монгольских языков. «Этимологический словарь тюркских языков» приводит синонимичные основы *күн* и *гүн*, отмечая вторую как более позднюю. В языках-источниках словаря эти основы имеют значения ‘день’, ‘солнце’, ‘погода’, ‘жизнь (судьба)’²⁸. Среди значений древних тюркских основ не указано ничего, связанного с угощением, застольем, почётом, уважением.

«Древнетюркский словарь» (содержит лексику, зафиксированную в памятниках древнетюркской письменности VII–XIII веков), приводит омонимы *kün* I 1) солнце; 2) день; 3) с каждым днём; *kün* II ‘родственный’; *kün* III ‘народ, люди’ и производные от них *kündäm* ‘солнечный’; *kündin* (*küntin*), *kündün* (*küntün*), *kündünki* (*küntünki*) – ‘южный’ [16, с. 347, 349]. Здесь также не видим значений, связанных с кулинарией и застольем, уважением. Следовательно, предполагаем, что в тюркских языках значения ‘изысканное угощение, изысканный приём, большое застолье, уважение’ появились в более поздний период, возможно, при взаимодействии с языками монгольской группы, где эти значения, по данным словарей, более древние.

Так «Этимологический словарь монгольских языков» объединяет в одной прамонгольской основе **kündü*, значения слова, которые в словарях современных монгольских языков обозначены как омонимы, то есть генетически возводит их к одной основе: *kündü* халх. *хүнд*, бур. *хүндэ*, калм. *күнд*, орд. *күндү*, бао. *кунтэ*, даг. *кунду* (*хунду*), мнгр. *кунду* – ‘тяжёлый; трудный’; (перен.) ‘почёт, уважение’; бур. ‘угощение’ [17, с. 148]. Здесь ви-

²⁷ Солнце и день в монгольских языках называются разными лексемами, не связанными с рассматриваемой нами основой.

²⁸ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «в», «г», «д». Москва: Наука, 1980. С. 100-103; Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «к» и «к». Выпуск первый / отв. ред. Г.Ф. Благова. Москва: Языки русской культуры, 1997. С. 88, 142.

дим, что значение ‘угощение, застолье’ ставится в один генетический ряд со значениями ‘тяжёлый, трудный’ и ‘уважение, почёт’. Предполагаемый путь развития: ‘тяжёлый, трудный’ – метафорический перенос – ‘уважение, почёт’ – метонимический перенос – ‘угощение, застолье’. Приведённые лингвистические материалы дают нам одну из версий возникновения значений слов основы *кундюб-*, связанных с застольем и угощением, и развившихся от них значения ‘шуточные пустые разговоры’. Но по сути мы видим только предполагаемую последнюю ступень семантического процесса.

Всё ещё остаётся открытым вопрос о возникновении у слов с рассматриваемой основой значений ‘кривой, скрюченный’. Чтобы ответить на этот вопрос, мы обратились к источникам, описывающим ещё более древний гипотетически восстанавливаемый период развития языков: ностратический и протоностратический.

Советский учёный-компаративист В.М. Иллич-Свитыч в труде «Опыт сравнения ностратических языков» приводит следующие близкие нашей теме протоностратические основы. *Күйна* ‘сгибаться в суставах, костный сгиб’, к которой восходят в том числе среди других и.-е. *genu / gneu* ‘колено’ и дравидийское *kūn* ‘горб, изгиб, горбун’²⁹. Вторая основа *gūra* ‘гнутья’, к которой восходят и.-е. *gheub-* ‘сгибаться, кривой’ (в том числе славянское **gъnŭti* ‘гнуть’), алтайское *gübä* ‘изогнутый, выпуклый’ (в том числе корейское *kub-* ‘быть кривым, изогнутым’)³⁰.

Американский лингвист А. Бомхард («Всестороннее введение в ностратическое сравнительное языкознание: со специальными ссылками на индоевропейские языки») сводит две основы, две группы значений, выделенных В.М. Илличем-Свитычем, к одному протоностратическому корню **k'un-* (~ **k'on-*): **k'un-* ‘сгибать; сгибать или складывать вместе; связывать или переплетать

вместе’; **k'un-*а ‘то, что согнуто, сложено, скрючено, изогнутое, крючковатое: сгиб, складка, изгиб, кривизна, угол, морщина’. К этому корню восходят, по мнению автора, среди других следующие основы:

– праиндоевропейская **k'en-/k'on-/*k'n-* ‘сгибать, скручивать, выворачивать или связывать вместе’ с её последующей реализацией в том числе среди других, например, в древнеанглийском *snyttan* ‘связывать с узлом’, или средне немецкий *Knutten* ‘завязывать’ (из этой же основы, напомним, вышло славянское **gъnŭti* ‘гнуть’);

– дравидийские *kuin* ‘изгиб, кривизна, горб на спине, горбатый, улитка’ (тамилский), *kuṇi* ‘изгибаться, становиться кривым, наклоняться, становиться горбатым’, *kiṇuka* ‘сутулиться, быть горбатым’ (малаялам), *kuṇ* ‘сгибаться, сутулиться, приседать, сжиматься, съеживаться’ (каннада), *kin* ‘горбун’ (кодагу), *giṇu* ‘горб, кривая спина’ (тулу, телугу);

– протоалтайская **kuṇu-* ‘складывать, скручивать’, далее протомонгольская **kuṇi-* и письменные монгольские *qḡuni* ‘складывать, заплетать’, *qḡniya* – ‘делать косички или складки’ и схожие в других монгольских языках, из этой же основы прототюркская **kun-da-* ‘пеленать, одежда для пеленания’ и генетические производные тюркские названия одежды для пеленания и постели новорождённого, например, киргизское и казахское *кундак* и др.³¹

Приведённые Бомхардом данные снова возвращают нас к кулинарным значениям рассматриваемой основы.

Во-первых, вспомним упомянутые выше лексемы среднерусских и северных говоров *кундак*, *кундяк* ‘пирог’, *кундыш* ‘маленький пирожок, булочка’. Сравним с киргизским *кундак* ‘временное ложе из овечьей или верблюжьей шерсти или скрученное жгутом одеяло, на котором лежит новорождённый до того, как его кладут в колыбель’³². С учётом

²⁹ Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (b-K). Москва: Наука, 1971. С. 304.

³⁰ Там же. С. 236.

³¹ Bomhard Allan R. A Comprehensive Introduction to Nostratic Comparative Linguistics: With Special Reference to Indo-European. Vol. 1. Fifth revised, corrected, and expanded edition. Florence, 2023. P. 611, 809.

³² Киргизско-русский словарь: в 2 кн. Кн. 1. А-К / сост. К.К. Юдахин. Фрунзе: Главная редакция Киргизской Советской Энциклопедии, 1985. С. 445.

сказанного выше можно предположить появление у этих слов кулинарных значений путём метафорического переноса: начинка в пирогах «зепёленана», завёрнута в тесто.

Во-вторых, подтверждается существующая в кулинарных кругах Интернета³³ версия о родстве блюд и названий *кундюбы* и *кнели*, *кнедлики* (*кнедли*). Этимологический словарь Н.М. Шанского указывает, что слово *кнель* заимствовано из франц. яз. в первой четверти XX века. Франц. *quenelle* ‘клецка, фрикаделька’ – адаптация нем. *Knodel* – уменьшит.-ласкат. от *Knode* ‘узел’. *Кнель* буквально – ‘узелок’³⁴. Этимологический словарь немецкого языка указывает *Knödel* ‘клёцка’, от средневерхнемецкого *knödel*, ‘зародыш, клецка’; уменьшительное от средневерхнемецкого *knode*, ‘узел’³⁵. Следовательно, и *кундак* (*кундяк*), и *кундюбы*, и *кнели* названы так, потому что по сути представляют собой свёрнутое, загнутое тесто с начинкой или без.

Все лексемы рассматриваемой основы, называющие изделия из теста, таким образом, восходят к древней праностратической основе со значением ‘сгибать’, реализовавшейся в праиндоевропейском **k'ep-/k'on-* – ‘сгибать, скручивать, выворачивать или связывать вместе’, протоалтайском **kupu-* ‘складывать, скручивать’, **kun-da-* ‘пеленать, одежда для пеленания’ и др. (современные *кнели*, *кнедли*, *кнедлики*, *кундюбы*, *кундюмы*).

К этой же древнейшей основе восходят и значения, связанные с внешним видом человека и свойствами овощей ‘кривой, скрюченный’ – сравним дравидийские *kuin* ‘изгиб, кривизна, горб на спине, горбатый, улитка’, *kūn* ‘горб, изгиб, горбун’ и др., и.-е. *genu* / *gneu* ‘колено’ и др. (современные *кундюбий*, *кундюбный*, *кундюбенький*, *кундюбух*).

Заметим, что в сети Интернет среди людей, интересующихся лингвистикой, выдвигается версия происхождения прилагательно-

го *кундюбий* из санскрита (Андрей Коваленко. <https://vk.com/id744785012>). Всё сказанное в нашем исследовании выше, конечно, опровергает версию происхождения основы *кундюб-* напрямую из санскрита, однако не исключает возможности аналогий рассматриваемой основы в санскрите, появившихся в нём таким же образом из более древних ностратических праязыковых основ, как и в других ветвях языкового древа.

Напомним, что выше говорилось о ближайших по форме и значению к исследуемой основе *кундюб-* лексемах якутского языка (*кундү* ‘изысканное угощение, изысканный приём’). Исследователи якутского языка³⁶ говорят о наличии в нём большого пласта древнейшей лексики, общей с санскритом, проводят множество санскритско-якутских лексических параллелей, которые доказывают взаимодействие индоевропейских и алтайских языков не в период существования письменного санскрита, а в более ранний период на уровне праязыков [18].

Санскритско-русский словарь В.А. Коцгергиной, санскритско-английский словарь Т.А. Бенфея, «Практический санскритско-английский словарь» указывают следующие единицы, предположительно восходящие к упомянутому Илличем-Свитычем и Бомхардом праностратическим основам. *Kut* ‘сгибать гнуть’, ‘покорять’, ‘разделять раздроблять’, ‘сжечь’, ‘калечить’³⁷ [19, с. 162]; *kunt* ‘калечить’, *kund* ‘калечить’, ‘нагревать’, ‘сохранять’³⁸. Вероятно, родственными являются лексемы *kundala* ‘кольцо’, ‘круг’, ‘серьга’, *kundalin* ‘носящий серьги, украшенный серьгами’, ‘круглый, спиралевидный’, ‘извивающийся (как змея)’, ‘змея’³⁹ [19, с. 162]. Санскрит как язык письменности и культуры сохранил эти лексемы во всем богатстве их семантики, позволяющем видеть искомые нами

³³ Происхождение названий разных видов пельменей: svetorusie // LiveJournal. 13.12.2019. URL: <https://svetorusie.livejournal.com/249265.html> (дата обращения: 08.01.2025).

³⁴ Этимологический словарь русского языка. Т. 2. Вып. 8. К / под ред. Н.М. Шанского. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 171.

³⁵ An etymological Dictionary of the German Language. London, 1981. P. 183.

³⁶ Сидоров Е.С. Санскритско-якутские лексические параллели: (пособие по языкознанию в помощь изучающим компаративистику). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1992. 31 с.

³⁷ Benfey T.A. Sanskrit-English Dictionary. London, 1866. P. 190; The practical sanskrit-english dictionary. Delhe, 1985. P. 361.

³⁸ Benfey T.A. Sanskrit-English Dictionary. P. 192.

³⁹ Benfey T.A. Sanskrit-English Dictionary. P. 193; The practical sanskrit-english dictionary. P. 361.

аналогии и по возможности реконструировать семантическое развитие лексем, восходящих к древним основам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытожим все сказанное выше и постараемся выстроить схему развития значений основы *кундюб*-. Если придерживаться мнения, что все рассматриваемые лексемы восходят к одной протоностратической основе и первичным было значение ‘сгибаться’, то первой ступенью семантических изменений будем считать значение ‘кривой, скрюченный’, далее из него развились значения ‘маленький’ и ‘курносый’ и далее значение ‘ласковое обращение к женщине или девочке’. Параллельно (ни в коем случае не берёмся утверждать, что одновременно) из значения ‘сгибать’ развилась кулинарная семантика основы, то есть значения ‘пирог, пирожок, блюдо из теста с начинкой’ и пр., то есть «согнутый» пирог. Далее из последнего, возможно, сформировалось значение ‘лакомства, сладости, изысканное угощение’ и далее – ‘шуточные пустые разговоры’.

Такая версия развития семантики была бы бесспорной, если бы мы не учитывали современные и исторические материалы тюркских и монгольских языков, а именно указанную в этимологических словарях связь значения ‘застолье, угощение’ со значениями ‘солнце, день’ (в тюркских языках) и ‘тяжёлый, трудный, уважение, почёт’ (в монгольских языках).

В поисках ответа на этот вопрос можно предположить одно из следующих допущений.

1. Якутское *күндү* ‘изысканное угощение, изысканный приём’, алтайское *күндү* ‘застолье, угощение’, бурятское *хүндэ* ‘угощение’ никак не связаны со словами рассматриваемой нами основы, имеющими значения ‘кривой, скрюченный’, ‘пирог, пирожок, блюдо из теста с начинкой’, и восходят к другим древним основам, нашедшим свою реализацию в значениях ‘солнце, день’ или ‘тяжёлый, трудный, уважение, почёт’. При

этом мы должны не принимать во внимание явную семантическую и структурную общность функционирующих в современных живых языках лексем. В этой ситуации также не связанными с нашей основой оказываются слова со значениями ‘медлительный, медлить’, поскольку они явно родственны калмыцкому *күнд* [кунде] *перен.* ‘флегматичный; медлительный (о человеке)’.

2. Указанные тюркские и монгольские слова все же родственны рассматриваемым нами диалектным словам с основой *кундюб*-, то есть восходят к той же протоностратической основе, но тогда придётся поставить под сомнение данные тюркских и монгольских словарей, генетически объединяющих лексемы *күндү*, *күндү*, *хүндэ* со значением ‘угощение’ и слова *күн* со значениями ‘солнце, день’ (в тюркских языках) и *күнд* [кунде], *хүндэ* ‘тяжёлый, трудный, уважение, почёт’ (в монгольских языках).

3. Лексемы, восходящие к протоностратической основе со значением ‘сгибать’ и тюркские и монгольские со значениями ‘солнце, день’ и ‘тяжёлый, трудный, уважение, почёт’, всё же связаны генетически, но нам не удалось найти связующие звенья исторической цепи. Возможно, некоторые «зацепки» в поиске таких звеньев можно найти в санскрите, где слово *kut* наряду со значением ‘сгибать гнуть’, имеет также значение ‘сжечь’. Учитывая тот факт, что тюркизм *күн* ‘солнце’ восходит к глаголу *көй* ‘гореть, жечь’ и далее к древней пратюркской глагольной основе **kōn* /**kōj* /**kün* ‘гореть’⁴⁰, можно гипотетически предположить наличие связи этих древнейших основ, косвенно закреплённой в лексике санскрита. Таким образом, вопрос о словах *күндү*, *күндү*, *хүндэ* остаётся открытым и его предстоит решать в дальнейших исследованиях.

⁴⁰ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «в», «г», «д». С. 100-103; Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «к» и «қ». С. 88, 142.

Список источников

1. Кузнецова Е.В., Тишина Е.В. Прилагательные со значением 'некрасивый' в говорах Волгоградской области // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2024. № 1. С. 73-80. <https://doi.org/10.5281/zenodo.10987985>, <https://elibrary.ru/odojmx>
2. Ремчуков В.Н. Толковый казачий словарь. Волгоград: Станица-2, 2011. 207 с. <https://elibrary.ru/qwoaij>
3. Флягина М.В. Внешний облик человека в донской диалектной картине мира // Научная мысль Кавказа. 2023. № 3 (115). С. 98-103. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2023-115-98-103>, <https://elibrary.ru/jzrnzs>
4. Флягина М.В. Имена прилагательные тематической группы «Природа» в донских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2016 / отв. ред. С.А. Мызников. Санкт-Петербург: ООО «Нестор-История», 2016. С. 461-469. <https://elibrary.ru/xxeqkn>
5. Степанченко В.И. Говорим, гутарим, балакаем и применяем!: в 2 ч. Санкт-Петербург: Медиа Групп, 2009. Ч. 1. 171 с. <https://elibrary.ru/qvbfxd>
6. Ткаченко П.И. Кубанский говор: балачка: опыт авторского словаря. Краснодар: Традиция, 2011. 397 с. <https://elibrary.ru/qwepox>
7. Словарь донских говоров Волгоградской области: около 17000 слов / авт.-сост.: Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. Р.И. Кудряшовой. Волгоград: Издатель, 2011. 703 с. <https://elibrary.ru/qwpxdz>
8. Романов Д.А., Красовская Н.А. Материалы к словарю тульских говоров: По итогам диалектологических экспедиций 2008 года. Тула: Тульский полиграфист, 2008. 380 с. <https://elibrary.ru/qqqetf>
9. Похлёбкин В.В. Кулинарный словарь. Москва: Центрполиграф, 2009. 502 с. <https://elibrary.ru/qnhznp>
10. Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях: в 2 т. Т. 2. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Москва: Языки русской культуры, 2001. 792 с. <https://elibrary.ru/raziyz>
11. Словарь русских говоров Сибири: в 5 т. / под ред. А.И. Фёдорова. Новосибирск: Новосиб. отд-е изд-ва «Наука», 2002. Т. 3. 488 с. <https://elibrary.ru/vumcfp>
12. Кузнецова Е.В. Семантическое варьирование в словообразовательном гнезде: лингвогеографический аспект // Неофилология. 2020. Т. 6. № 22. С. 250-261. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-22-250-261>, <https://elibrary.ru/jnuuij>
13. Якутско-русский словарь: 25300 слов / под ред. П.А. Слепцова. Москва: Сов. энциклопедия, 1972. 605 с. <https://www.elibrary.ru/yhntab>
14. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б.Д. Муниева. Москва: Калмыц. ин-т гум. исследований РАН, 1977. 768 с. <https://elibrary.ru/siscfn>
15. Супрун В.И., Брысина Е.В. Языковая ситуация в Волгоградской области // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 3 (98). С. 154-160. <https://elibrary.ru/tsceor>
16. Древнетюркский словарь / Т.А. Боровкова, Л.В. Дмитриева, А.А. Зырин и др. Ленинград: С.-Петерб. изд.-книготорг. фирма «Наука», 1969. 676 с. <https://elibrary.ru/sfhrmz>
17. Орловская М.Н., Санжеев Г.Д., Шевернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Москва: Ин-т востоковедения РАН, 2016. Т. 2. 232 с. <https://elibrary.ru/wncgpv>
18. Гоголев А.И. Индоевропейские связи в формировании древнетюркской культуры (на этнокультурном языковом материале тюркоязычных народов Сибири) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2015. Т. 12. № 1. С. 64-74. <https://elibrary.ru/tmksjl>
19. Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь: около 30000 слов с приложением «Грамматического очерка санскрита» А.А. Зализняка / под ред. В.И. Кальянова. Москва: Академ. проект, 2005. 943 с. <https://elibrary.ru/qrrjjv>

References

1. Kuznetsova E.V., Tishina E.V. Adjectives with meaning ‘ugly’ in dialects of volgograd region. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya = Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology*, 2024, no. 1, pp. 73-80. (In Russ.) <https://doi.org/10.5281/zenodo.10987985> , <https://elibrary.ru/odojmx>
2. Remchukov V.N. *Explanatory Cossack Dictionary*. Volgograd, Stanitsa-2 Publ., 2011, 207 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qwoaij>
3. Flyagina M.V. The external appearance of a person in the don dialect picture of the world. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*, 2023, no. 3 (115), pp. 98-103. (In Russ.) <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2023-115-98-103> , <https://elibrary.ru/jzrnzs>
4. Flyagina M.V. Adjectives of the thematic group “Nature” in Don dialects. *Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2016*. St. Petersburg, LLC «Nestor-Istoriya» Publ., 2016, pp. 461-469. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xxeqkn>
5. Stepanchenko V.I. *Speak, Chatter, Babble and Apply!: in 2 pt.* St. Petersburg, Media Group Publ., 2009, pt. 1, 171 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qvbfxd>
6. Tkachenko P.I. *Kuban Accent: Balachka: Experience of Author's Dictionary*. Krasnodar, Traditsiya Publ., 2011, 397 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qwepox>
7. Kudryashov R.I. (comp.) *Dictionary of Don Dialects of the Volgograd Region: about 17000 Words*. Volgograd, Izdatel' Publ., 2011, 703 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qwpxdz>
8. Romanov D.A., Krasovskaya N.A. *Materials for the Dictionary of Tula Dialects: Based on the Results of Dialectological Expeditions in 2008*. Tula, Tul'skii poligrafist Publ., 2008, 380 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qyqetf>
9. Pokhlebkina V.V. *Culinary Dictionary*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2009, 502 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qnhznp>
10. Zabelin I.E. *Domestic Life of the Russian People in the 16th and 17th Centuries: in 2 vols. Vol. 2. Domestic Life of Russian Tsars in 16th and 17th Centuries*. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 2001, 792 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/raziyz>
11. Fedorov A.I. (ed.) *Dictionary of Russian Dialects of Siberia: in 5 vol.* Novosibirsk, Novosibirsk branch of the “Nauka” Publ., 2002, vol. 3, 488 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vumcfp>
12. Kuznetsova E.V. Semantic variation in the word-building nest: linguo-geographical aspect. *Neofilologiya = Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 250-261. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-22-250-261>, (In Russ.) <https://elibrary.ru/jnuuij>
13. Sleptsov P.A. (ed.) *Yakut-Russian Dictionary: 25300 Words*. Moscow, Soviet encyclopedia Publ., 1972, 605 p. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/yhntab>
14. Muniev B.D. (ed.) *Kalmyk-Russian Dictionary*. Moscow, Kalmyk Institute of Humanities Research of the Russian Academy of Sciences Publ., 1977, 768 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/siscfn>
15. Suprun V.I., Brysina E.V. Language situation in the Volgograd region. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 2015, no. 3 (98), pp. 154-160. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tsceor>
16. *Ancient Turkic Dictionary*. Leningrad: Saint-Petersburg publishing and book-trading firm “Nauka”, 1969, 676 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sfhrmz>
17. Orlovskaya M.N., Sanzheev G.D., Shevernina Z.V. *Etymological Dictionary of Mongol Languages: in 3 Vols.* Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, vol. 2, 232 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wncgpv>
18. Gogolev A.I. Indo-European origins in the formation of the ancient Turkic culture. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova = Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov*, 2015, vol. 12, no. 1, pp. 64-74. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tmksjl>
19. Kochergina V.A. *Sanskrit-Russian Dictionary: about 30000 Words with an Appendix of “Grammatical Sketch of Sanskrit” by A.A. Zaliznyak*. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2005, 943 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qrrjjv>

Информация об авторе

КУЗНЕЦОВА Елена Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-7669-4147>, kev7-78@mail.ru

Поступила в редакцию 27.01.2025

Поступила после рецензирования 06.05.2025

Принята к публикации 29.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Elena V. Kuznetsova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of Russian Language and Teaching Methodology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0006-1418-0155>, kev7-78@mail.ru

Received 27.01.2025

Revised 06.05.2025

Accepted 29.05.2025

The author has read and approved the final manuscript.